

Ярослав Северцев

**Последний из
рода. Том 5.
Хранитель гор**

Ярослав Северцев

Последний из рода.
Том 5. Хранитель гор

«Автор»

2026

Северцев Я.

Последний из рода. Том 5. Хранитель гор / Я. Северцев —
«Автор», 2026

Империя на востоке пылает. Опальный граф Воротынский поднял мятеж, призвав на свою сторону тёмных магов и древние силы, дремавшие в горах тысячелетиями. Император отправляет на подавление восстания отряд под командованием капитана Императорской гвардии Кирилла Димидова того, кого враги прозвали Багровым.

© Северцев Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Багровый идёт на восток	5
Глава 1: Багровый идёт на восток	10
Глава 2: Земля крови	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ярослав Северцев

Последний из рода. Том 5. Хранитель гор

Глава 1: Багровый идёт на восток

Выехали затемно.

Кирилл не любил прощаний. Стоять на крыльце, смотреть на мокрые глаза Матрёны, слушать напутствия Григория, который старался держаться, но голос всё равно дрожал, – всё это было хуже любого боя. В бою ты знаешь, куда бить. А здесь – только пустота в груди и обещание, которое может не сдержать.

– Вернёшься, барин, – сказал Григорий, когда Кирилл уже взялся за стремя. Не спросил. Утвердил.

– Вернусь, – ответил Кирилл.

Матрёна перекрестила его широким старинным крестом, потом перекрестила Ворона, потом – всю колонну. Губы её шевелились беззвучно, и Кирилл не стал спрашивать, какую молитву она читает. Наверное, ту, что спасала солдат на южной войне. Ту, что читают матери, когда сыновья уходят в темноту, откуда возвращаются не все.

Вероника ехала справа. Она была бледнее обычного – три недели восстановления после двух лет комы не могли стереть всех последствий. Но плечи её были расправлены, подбородок поднят, а на поясе висел тот самый меч, который когда-то принадлежал её деду. Она настояла, чтобы взять его в поход.

– Он лёгкий, – объяснила она, когда Кирилл спросил. – И я не хочу таскать железо, которое видело только учебные бои. Этот меч помнит настоящую кровь.

Кирилл не спорил. Он вообще перестал спорить с Вероникой после того, как она открыла глаза и первым делом спросила не «где я?», а «где мой меч?».

Ворон фыркнул, перебирая копытами. Жеребец был под стать хозяину – чёрный, как ночь, с алым отблеском в глазах, когда свет магических фонарей падал под нужным углом. Григорий говорил, что поймали его в табуна одичавших лошадей на южных рубежах. Кирилл не проверял. Ему нравилось думать, что Ворон и правда вырос в степи, под свист ветра и запах полыни.

За спиной у Кирилла покачивался в седле Алексей. Друг смотрел на дорогу с привычной хмурой сосредоточенностью, но иногда бросал короткие взгляды на Кузьму, который ехал слева и о чём-то увлечённо спорил с Михаилом. О чём? Кирилл не вслушивался. Кажется, о том, как лучше сушить печати, чтобы они не трескались от перепада температур. Кузьма утверждал, что в тепле, Михаил – что в холоде. Спор тянулся ещё от усадьбы и, судя по всему, был рассчитан на всю дорогу до востока.

Сеня замыкал колонну. Он то и дело оглядывался на усадьбу, пока та не скрылась за поворотом, и Кирилл заметил, как парень вытер глаза рукавом. Сеня был самым младшим в отряде и самым тихим. Но его щиты спасали им жизнь уже трижды, и Кирилл знал: за тишиной скрывается сталь. Такую не сломать.

Оболенский ехал отдельно – чуть в стороне, как всегда, когда ему не нужно было ни с кем говорить. Княжич за время пути изменился. Исчезла та насмешливая лёгкость, которая была в нём в школе. Теперь в его глазах поселилась какая-то тяжёлая, колючая серьёзность, и Кирилл иногда ловил себя на мысли, что не знает, что у Оболенского на уме. Это беспокоило, но не настолько, чтобы спрашивать. У каждого есть право на свои тайны.

Дорога на восток тянулась через поля, которые постепенно сменялись редколесьем, а потом и вовсе переходили в низкорослый, скрюченный ветрами лес. Земли здесь были беднее,

чем в центральных губерниях, деревни – реже, а люди – угрюмее. Кирилл помнил эти края по картам Григория: буферная зона между столичными землями и графством Воротынским. Формально – ничьи. Фактически – та же добыча для любого, у кого хватит сил оттяпать кусок.

– Здесь пахнет войной, – сказала Вероника, когда они въехали в редколесье.

Кирилл тоже чувствовал. Запах гари, который не выветривается годами. Привкус железа в воздухе. И тишину – не ту, что бывает в лесу, когда звери и птицы заняты своими делами, а ту, мертвую, когда всё живое либо ушло, либо спряталось, либо уже не дышит.

– Воротынский не ждал гостей, – ответил Кирилл. – Но он готовился к войне. Чувствуешь укрепления?

Вероника прищурилась, глядя вперёд. Её магия – холод – была чувствительна к изменениям в земле. Через несколько секунд она кивнула.

– За следующими двумя холмами. Частокол. И люди. Много людей.

– Сколько? – спросил Алексей, подъезжая ближе.

– Не считала, – ответила Вероника. – Но больше, чем нас.

– Когда это нас останавливало? – хмыкнул Кузьма, прекратив спор с Михаилом.

Кузьма выглядел лучше, чем два года назад. Исчезла та угловатая неуклюжесть, которая была в нём на первом курсе. Плечи стали шире, движения – точнее. И только в глазах иногда мелькала тень – та, что появляется, когда человек вспоминает то, о чём предпочёл бы забыть. Кирилл знал, что Кузьма до сих пор не простил себя за предательство. Но он также знал, что Кузьма никогда не предаст их снова. Это знание стоило дороже любой клятвы.

– Первая деревня через час, – сказал Оболенский, сверяясь с картой. – Гореловка. Там у меня был знакомый трактирщик.

– Был? – переспросил Михаил.

Оболенский не ответил. Он сложил карту и убрал её во внутренний карман куртки. Кирилл заметил, как дрогнули его пальцы.

Михаил за последние годы тоже изменился. Он перестал быть тем неуверенным парнем, который боялся собственной магии. Огонь теперь слушался его, как дрессированный зверь, и Кирилл видел, как иногда Михаил смотрит на свои руки, на которых плясали языки пламени, и улыбается – не гордо, а тихо, будто вспоминая что-то своё, очень личное.

– Едем, – сказал Кирилл. – Долго стоять нельзя. Они знают, что мы идём.

– Откуда? – спросил Сеня.

– Потому что я хочу, чтобы знали, – ответил Кирилл. – Пусть боятся.

Ворон рванул с места, и отряд двинулся за ним.

Гореловка встретила их тишиной.

Но это была не та тишина, что бывает в деревне, когда все в поле или на покосе. Это была тишина мёртвых домов – с закрытыми ставнями, заколоченными дверями и пустыми дворами, где ветер гонял обрывки соломы.

Кирилл поднял руку, останавливая отряд. Спешился. Прошёл к первому дому, толкнул дверь.

Она открылась с протяжным скрипом. Внутри пахло плесенью и чем-то сладковатым, тягучим – тем запахом, который Кирилл научился узнавать на южной войне. Запах разложения, который появляется на третий-четвёртый день после смерти.

Тела лежали в углу. Четверо: мужчина, женщина, двое детей. Старшему – лет десять, младшему – года четыре. Убиты не магией. Убиты ножами – грубо, неумело, но с какой-то нечеловеческой жестокостью, будто убийца не торопился и получал удовольствие от каждого удара.

– Воротынский? – спросил Алексей, заглядывая через плечо.

– Или его люди, – Кирилл присел на корточки, прикрыл глаза мёртвому мальчику. Ладонь была холодной, как лёд. – Неделя. Может, десять дней.

– В гробу, – выдохнул Кузьма, отворачиваясь.

– Не говори «в гробу», – тихо сказала Вероника. – Мы их похороним.

Они не стали копать могилы – земля промёрзла, а времени было в обрез. Сложили пирамиду из камней, обломков досок, всего, что попало под руку. Кирилл постоял молча, потом развернулся и пошёл к лошади.

– Едем, – сказал он. – В следующей деревне может быть кто-то живой.

В следующей никого не было.

И в следующей.

Только пепел, пустые колодцы и запах, который въедался в одежду, в волосы, в лёгкие. Кирилл перестал считать. Он просто ехал вперёд, и с каждым часом тишина становилась всё тяжелее.

– Зачем он это делает? – спросил Сеня, когда они остановились на ночлег. – Зачем убивать своих же людей?

– Они не его, – ответил Оболенский, помешивая угли костра. – Воротынский никогда не считал крестьян своими. Для него они – расходный материал. Скот, который можно забить, если он перестал приносить пользу.

– А сейчас он перестал приносить пользу? – спросил Михаил.

– Сейчас он бежал, – сказал Оболенский. – Те, кто мог – ушли в столицу, на запад, куда угодно. Остались только те, у кого не было сил или денег. Воротынский приказал убить их, чтобы они не достались врагу.

– Какому врагу? – спросил Кузьма. – Империи?

– Нам, – ответил Кирилл.

Он сидел у костра, глядя на огонь, и думал о том, что сказал Оболенский. Воротынский знал, что они идут. Знал, кто они. И готовился.

– Почему он не ушёл в столицу с остальными? – спросила Вероника. – Если он был опальным графом, у него должны были быть связи, деньги, покровители.

– Был, – ответил Оболенский. – А потом что-то случилось. Год назад он перестал выходить из своего имения. Перестал принимать послов. Перестал платить налоги. А когда император прислал проверяющих, Воротынский приказал их казнить.

– И никто не вмешался? – удивился Алексей.

– Вмешались, – усмехнулся Оболенский. – Прислали войска. Войска не вернулись. Тогда император объявил его вне закона и пообещал графство любому, кто принесёт голову Воротынского.

– И много желающих? – спросил Кузьма.

– Трое, – Оболенский загнул пальцы. – Первый пропал по дороге. Второй вернулся без руки и без памяти. Третий... третий пришёл к имению и ушёл служить к Воротынскому.

– Его люди преданы ему, – сказал Кирилл. – Это плохо.

– Это хуже, чем плохо, – поправил Оболенский. – Это значит, что он не просто граф. Он что-то большее. Или в нём живёт что-то большее.

Кирилл вспомнил сон. Первого Димидова, который стоял на горе и говорил о древнем зле. «Старше меня. Старше источников».

– Завтра будем на его землях, – сказал он, поднимаясь. – Всем спать. Завтра тяжёлый день.

Вероника легла рядом, прижавшись к его плечу. Её дыхание было тёплым, ровным. Кирилл не спал. Он смотрел на звёзды и считал.

Три года назад он был студентом, который только начинал понимать, что такое магия. Два года назад он потерял всё, кроме клятвы. Год назад он убил две тысячи человек и стал Багровым.

Теперь он ехал на восток, чтобы убить ещё одного.

И он не знал, станет ли легче, когда всё кончится.

Утром они пересекли границу графства Воротынского.

Это была не стена, не река, не горный хребет. Просто придорожный камень с выцветшей надписью: «Земли графа Воротынского. Проезд без разрешения карается смертью».

Кто-то приписал снизу углём: «Уже карается».

Кирилл остановил Ворона, спешил. Провёл пальцами по буквам. Уголь остался на подушечках – чёрный, жирный.

– Написали недавно, – сказал он. – Дней пять назад.

– Местные? – спросил Алексей.

– Или те, кто пытался уйти, – ответил Кирилл. – Едем.

За камнем начиналась другая земля. Кирилл чувствовал это кожей – воздух стал плотнее, тяжелее, будто кто-то накрыл графство невидимым колпаком. Магия здесь была другой – не чистой, как в столице, и не дикой, как на южных рубежах. Она была больной.

– Чувствуешь? – спросила Вероника, подъезжая ближе.

– Чувствую, – кивнул Кирилл. – Земля стонет.

Они ехали молча. Лес по обеим сторонам дороги стал гуще, деревья – выше, ветви – толще. Солнце почти не пробивалось сквозь кроны, и в воздухе пахло прелью и чем-то ещё – сладковатым, приторным, как переспевшие фрукты.

– Не нравится мне это место, – сказал Кузьма, оглядываясь.

– Мне тоже, – ответил Сеня.

Кузьма хотел что-то сказать, но передумал.

А потом лес расступился, и они увидели деревню.

Она была мёртвой.

Но не так, как те, которые они проезжали раньше. Там были тела, пепел, пустота. Здесь же – дома стояли целыми, даже заборы не покосились. И только двери были распахнуты настежь, а в окнах – ни огонька.

– Входим осторожно, – сказал Кирилл, спешиваясь. – Алексей, Кузьма – за мной. Вероника, Сеня – прикрываете тылы. Михаил, Оболенский – остаётесь с лошадьми.

– Почему я с лошадьми? – возмутился Оболенский.

– Потому что если на нас нападут, вы должны увести их в лес. Без лошадей мы трупы.

Оболенский не стал спорить. Кирилл шагнул в деревню.

Первое, что бросилось в глаза – колодец. Он был открыт, и из него тянуло холодом – не обычным, а тем, что бывает в склепах. Кирилл заглянул внутрь.

Внизу, на глубине, что-то блестело. Вода? Или глаза?

– Не смотри туда, – сказала Вероника, подходя. – Я чувствую. Там что-то живёт.

– Тёмный маг? – спросил Алексей.

– Или хуже, – ответила Вероника.

Они обошли колодец стороной. Зашли в первый дом. Пусто. Во второй – тоже. В третьем – на кровати лежал старик. Мёртвый. Но не от ножа – от старости. Его лицо было спокойным, даже умиротворённым, будто он умер во сне и не знал, что происходит вокруг.

– Его не убили, – сказал Кузьма. – Он просто... умер.

– Все остальные ушли, – добавил Алексей. – Но не в спешке. Вещи собраны, печи выметены. Уходили спокойно.

– Или их вывели, – поправил Кирилл.

Он вышел на улицу, осмотрелся. В конце деревни, у дороги, стояла телега. Нагруженная узлами, бочонками, сундуками. Лошади не было.

– Собрались уезжать, – сказал он, подходя к телеге. – Но что-то помешало.

– Или кто-то, – сказала Вероника.

Она смотрела на лес, который начинался сразу за последними домами. Там, между стволами, мелькнула тень.

– В укрытие! – крикнул Кирилл.

Сеня выставил щит за секунду до того, как воздух разрезала стрела. Она вонзилась в щит и повисла, дрожа.

– Откуда? – крикнул Кузьма.

– Оттуда, – Алексей указал на крышу ближайшего дома.

На коньке стоял человек в чёрном балахоне. Его лица не было видно, но Кирилл чувствовал – маг. Сильный.

– Уходим! – скомандовал Кирилл. – К лесу!

Они побежали к лошадям, но из леса уже выходили другие – в кожаных доспехах, с мечами и арбалетами. Их было много. Слишком много.

– В круг! – крикнула Вероника.

Они встали спинами друг к другу. Кирилл выхватил меч. Алексей приготовил зеркальный щит. Кузьма достал печати. Сеня выставил защиту.

– Долго не продержимся, – сказал Михаил, поджигая руки.

– Долго и не надо, – ответил Кирилл. – Надо быстро.

Он посмотрел на человека на крыше. Тот не двигался. Просто смотрел. Ждал.

– Это засада, – сказал Кирилл. – Они знали, что мы придём.

– И что будем делать? – спросил Алексей.

– Будем убивать, – ответил Кирилл.

Он шагнул вперёд.

Последний из рода. Том 5: Хранитель гор»

Глава 1: Багровый идёт на восток

Выехали затемно.

Кирилл не любил прощаний. Стоять на крыльце, смотреть на мокрые глаза Матрёны, слушать напутствия Григория, который старался держаться, но голос всё равно дрожал, – всё это было хуже любого боя. В бою ты знаешь, куда бить. А здесь – только пустота в груди и обещание, которое может не сдержать.

– Вернёшься, барин, – сказал Григорий, когда Кирилл уже взялся за стремя. Не спросил. Утвердил.

– Вернусь, – ответил Кирилл.

Матрёна перекрестила его широким старинным крестом, потом перекрестила Ворона, потом – всю колонну. Губы её шевелились беззвучно, и Кирилл не стал спрашивать, какую молитву она читает. Наверное, ту, что спасала солдат на южной войне. Ту, что читают матери, когда сыновья уходят в темноту, откуда возвращаются не все.

Вероника ехала справа. Она была бледнее обычного – три недели восстановления после двух лет комы не могли стереть всех последствий. Но плечи её были расправлены, подбородок поднят, а на поясе висел тот самый меч, который когда-то принадлежал её деду. Она настояла, чтобы взять его в поход.

– Он лёгкий, – объяснила она, когда Кирилл спросил. – И я не хочу таскать железо, которое видело только учебные бои. Этот меч помнит настоящую кровь.

Кирилл не спорил. Он вообще перестал спорить с Вероникой после того, как она открыла глаза и первым делом спросила не «где я?», а «где мой меч?».

Ворон фыркнул, перебирая копытами. Жеребец был под стать хозяину – чёрный, как ночь, с алым отблеском в глазах, когда свет магических фонарей падал под нужным углом. Григорий говорил, что поймали его в табуне одичавших лошадей на южных рубежах. Кирилл не проверял. Ему нравилось думать, что Ворон и правда вырос в степи, под свист ветра и запах полыни.

За спиной у Кирилла покачивался в седле Алексей. Друг смотрел на дорогу с привычной хмурой сосредоточенностью, но иногда бросал короткие взгляды на Кузьму, который ехал слева и о чём-то увлечённо спорил с Михаилом. О чём? Кирилл не вслушивался. Кажется, о том, как лучше сушить печати, чтобы они не трескались от перепада температур. Кузьма утверждал, что в тепле, Михаил – что в холоде. Спор тянулся ещё от усадьбы и, судя по всему, был рассчитан на всю дорогу до востока.

Сеня замыкал колонну. Он то и дело оглядывался на усадьбу, пока та не скрылась за поворотом, и Кирилл заметил, как парень вытер глаза рукавом. Сеня был самым младшим в отряде и самым тихим. Но его щиты спасали им жизнь уже трижды, и Кирилл знал: за тишиной скрывается сталь. Такую не сломать.

Оболенский ехал отдельно – чуть в стороне, как всегда, когда ему не нужно было ни с кем говорить. Княжич за время пути изменился. Исчезла та насмешливая лёгкость, которая была в нём в школе. Теперь в его глазах поселилась какая-то тяжёлая, колючая серьёзность, и Кирилл иногда ловил себя на мысли, что не знает, что у Оболенского на уме. Это беспокоило, но не настолько, чтобы спрашивать. У каждого есть право на свои тайны.

Дорога на восток тянулась через поля, которые постепенно сменялись редколесьем, а потом и вовсе переходили в низкорослый, скрюченный ветрами лес. Земли здесь были беднее, чем в центральных губерниях, деревни – реже, а люди – угрюмее. Кирилл помнил эти края по картам Григория: буферная зона между столичными землями и графством Воротынским. Формально – ничьи. Фактически – та же добыча для любого, у кого хватит сил оттяпать кусок.

– Здесь пахнет войной, – сказала Вероника, когда они въехали в редколесье.

Кирилл тоже чувствовал. Запах гари, который не выветривается годами. Привкус железа в воздухе. И тишину – не ту, что бывает в лесу, когда звери и птицы заняты своими делами, а ту, мертвую, когда всё живое либо ушло, либо спряталось, либо уже не дышит.

– Воротынский не ждал гостей, – ответил Кирилл. – Но он готовился к войне. Чувствуешь укрепления?

Вероника прищурилась, глядя вперёд. Её магия – холод – была чувствительна к изменениям в земле. Через несколько секунд она кивнула.

– За следующими двумя холмами. Частокол. И люди. Много людей.

– Сколько? – спросил Алексей, подъезжая ближе.

– Не считала, – ответила Вероника. – Но больше, чем нас.

– Когда это нас останавливало? – хмыкнул Кузьма, прекратив спор с Михаилом.

Кузьма выглядел лучше, чем два года назад. Исчезла та угловатая неуклюжесть, которая была в нём на первом курсе. Плечи стали шире, движения – точнее. И только в глазах иногда мелькала тень – та, что появляется, когда человек вспоминает то, о чём предпочёл бы забыть. Кирилл знал, что Кузьма до сих пор не простил себя за предательство. Но он также знал, что Кузьма никогда не предаст их снова. Это знание стоило дороже любой клятвы.

– Первая деревня через час, – сказал Оболенский, сверяясь с картой. – Гореловка. Там у меня был знакомый трактирщик.

– Был? – переспросил Михаил.

Оболенский не ответил. Он сложил карту и убрал её во внутренний карман куртки. Кирилл заметил, как дрогнули его пальцы.

Михаил за последние годы тоже изменился. Он перестал быть тем неуверенным парнем, который боялся собственной магии. Огонь теперь слушался его, как дрессированный зверь, и Кирилл видел, как иногда Михаил смотрит на свои руки, на которых плясали языки пламени, и улыбается – не гордо, а тихо, будто вспоминая что-то своё, очень личное.

– Едем, – сказал Кирилл. – Долго стоять нельзя. Они знают, что мы идём.

– Откуда? – спросил Сеня.

– Потому что я хочу, чтобы знали, – ответил Кирилл. – Пусть боятся.

Ворон рванул с места, и отряд двинулся за ним.

Гореловка встретила их тишиной.

Но это была не та тишина, что бывает в деревне, когда все в поле или на покосе. Это была тишина мёртвых домов – с закрытыми ставнями, заколоченными дверями и пустыми дворами, где ветер гонял обрывки соломы.

Кирилл поднял руку, останавливая отряд. Спешился. Прошёл к первому дому, толкнул дверь.

Она открылась с протяжным скрипом. Внутри пахло плесенью и чем-то сладковатым, тягучим – тем запахом, который Кирилл научился узнавать на южной войне. Запах разложения, который появляется на третий-четвёртый день после смерти.

Тела лежали в углу. Четверо: мужчина, женщина, двое детей. Старшему – лет десять, младшему – года четыре. Убиты не магией. Убиты ножами – грубо, неумело, но с какой-то нечеловеческой жестокостью, будто убийца не торопился и получал удовольствие от каждого удара.

– Воротынский? – спросил Алексей, заглядывая через плечо.

– Или его люди, – Кирилл присел на корточки, прикрыл глаза мёртвому мальчику. Ладонь была холодной, как лёд. – Неделя. Может, десять дней.

– Они нелюди, – выдохнул Кузьма, отворачиваясь.

– Согласна, – тихо сказала Вероника. – Мы их похороним.

Они не стали копать могилы – земля промёрзла, а времени было в обрез. Сложили пирамиду из камней, обломков досок, всего, что попало под руку. Кирилл постоял молча, потом развернулся и пошёл к лошади.

– Едем, – сказал он. – В следующей деревне может быть кто-то живой.

В следующей никого не было.

И в следующей.

Только пепел, пустые колодцы и запах, который въедался в одежду, в волосы, в лёгкие. Кирилл перестал считать. Он просто ехал вперёд, и с каждым часом тишина становилась всё тяжелее.

– Зачем он это делает? – спросил Сеня, когда они остановились на ночлег. – Зачем убивать своих же людей?

– Они не его, – ответил Оболенский, помешивая угли костра. – Воротынский никогда не считал крестьян своими. Для него они – расходный материал. Скот, который можно забить, если он перестал приносить пользу.

– А сейчас он перестал приносить пользу? – спросил Михаил.

– Сейчас он бежал, – сказал Оболенский. – Те, кто мог – ушли в столицу, на запад, куда угодно. Остались только те, у кого не было сил или денег. Воротынский приказал убить их, чтобы они не достались врагу.

– Какому врагу? – спросил Кузьма. – Империи?

– Нам, – ответил Кирилл.

Он сидел у костра, глядя на огонь, и думал о том, что сказал Оболенский. Воротынский знал, что они идут. Знал, кто они. И готовился.

– Почему он не ушёл в столицу с остальными? – спросила Вероника. – Если он был опальным графом, у него должны были быть связи, деньги, покровители.

– Был, – ответил Оболенский. – А потом что-то случилось. Год назад он перестал выходить из своего имения. Перестал принимать послов. Перестал платить налоги. А когда император прислал проверяющих, Воротынский приказал их казнить.

– И никто не вмешался? – удивился Алексей.

– Вмешались, – усмехнулся Оболенский. – Прислали войска. Войска не вернулись. Тогда император объявил его вне закона и пообещал графство любому, кто принесёт голову Воротынского.

– И много желающих? – спросил Кузьма.

– Трое, – Оболенский загнул пальцы. – Первый пропал по дороге. Второй вернулся без руки и без памяти. Третий... третий пришёл к имению и ушёл служить к Воротынскому.

– Его люди преданы ему, – сказал Кирилл. – Это плохо.

– Это хуже, чем плохо, – поправил Оболенский. – Это значит, что он не просто граф. Он что-то большее. Или в нём живёт что-то большее.

Кирилл вспомнил сон. Первого Димидова, который стоял на горе и говорил о древнем зле. «Старше меня. Старше источников».

– Завтра будем на его землях, – сказал он, поднимаясь. – Всем спать. Завтра тяжёлый день.

Вероника легла рядом, прижавшись к его плечу. Её дыхание было тёплым, ровным. Кирилл не спал. Он смотрел на звёзды и считал.

Три года назад он был студентом, который только начинал понимать, что такое магия. Два года назад он потерял всё, кроме клятвы. Год назад он убил две тысячи человек и стал Багровым.

Теперь он ехал на восток, чтобы убить ещё одного.

И он не знал, станет ли легче, когда всё кончится.

Утром они пересекли границу графства Воротынского.

Это была не стена, не река, не горный хребет. Просто придорожный камень с выцветшей надписью: «Земли графа Воротынского. Проезд без разрешения карается смертью».

Кто-то приписал снизу углём: «Земли проклятого».

Кирилл остановил Ворона, спешил. Провёл пальцами по буквам. Уголь остался на подушечках – чёрный, жирный.

– Написали недавно, – сказал он. – Дней пять назад.

– Местные? – спросил Алексей.

– Или те, кто пытался уйти, – ответил Кирилл. – Едем.

За камнем начиналась другая земля. Кирилл чувствовал это кожей – воздух стал плотнее, тяжелее, будто кто-то накрыл графство невидимым колпаком. Магия здесь была другой – не чистой, как в столице, и не дикой, как на южных рубежах. Она была больной.

– Чувствуешь? – спросила Вероника, подъезжая ближе.

– Чувствую, – кивнул Кирилл. – Земля стонет.

Они ехали молча. Лес по обеим сторонам дороги стал гуще, деревья – выше, ветви – толще. Солнце почти не пробивалось сквозь кроны, и в воздухе пахло прелью и чем-то ещё – сладковатым, приторным, как переспевшие фрукты.

– Не нравится мне это место, – сказал Кузьма, оглядываясь.

– Мне тоже, – ответил Сеня.

Кузьма хотел что-то сказать, но передумал.

А потом лес расступился, и они увидели деревню.

Она была мёртвой.

Но не так, как те, которые они проезжали раньше. Там были тела, пепел, пустота. Здесь же – дома стояли целыми, даже заборы не покосились. И только двери были распахнуты настежь, а в окнах – ни огонька.

– Входим осторожно, – сказал Кирилл, спешиваясь. – Алексей, Кузьма – за мной. Вероника, Сеня – прикрываете тылы. Михаил, Оболенский – остаётесь с лошадьми.

– Почему я с лошадьми? – возмутился Оболенский.

– Потому что если на нас нападут, вы должны увести их в лес. Без лошадей мы трупы.

Оболенский не стал спорить. Кирилл шагнул в деревню.

Первое, что бросилось в глаза – колодец. Он был открыт, и из него тянуло холодом – не обычным, а тем, что бывает в склепах. Кирилл заглянул внутрь.

Внизу, на глубине, что-то блестело. Вода? Или глаза?

– Не смотри туда, – сказала Вероника, подходя. – Я чувствую. Там что-то живёт.

– Тёмный маг? – спросил Алексей.

– Или хуже, – ответила Вероника.

Они обошли колодец стороной. Зашли в первый дом. Пусто. Во второй – тоже. В третьем – на кровати лежал старик. Мёртвый. Но не от ножа – от старости. Его лицо было спокойным, даже умиротворённым, будто он умер во сне и не знал, что происходит вокруг.

– Его не убили, – сказал Кузьма. – Он просто... умер.

– Все остальные ушли, – добавил Алексей. – Но не в спешке. Вещи собраны, печи выметены. Уходили спокойно.

– Или их вывели, – поправил Кирилл.

Он вышел на улицу, осмотрелся. В конце деревни, у дороги, стояла телега. Нагруженная узлами, бочонками, сундуками. Лошади не было.

– Собрались уезжать, – сказал он, подходя к телеге. – Но что-то помешало.

– Или кто-то, – сказала Вероника.

Она смотрела на лес, который начинался сразу за последними домами. Там, между стволами, мелькнула тень.

– В укрытие! – крикнул Кирилл.

Сеня выставил щит за секунду до того, как воздух разрезала стрела. Она вонзилась в щит и повисла, дрожа.

– Откуда? – крикнул Кузьма.

– Оттуда, – Алексей указал на крышу ближайшего дома.

На коньке стоял человек в чёрном балахоне. Его лица не было видно, но Кирилл чувствовал – маг. Сильный.

– Уходим! – скомандовал Кирилл. – К лесу!

Они побежали к лошадям, но из леса уже выходили другие – в кожаных доспехах, с мечами и арбалетами. Их было много. Слишком много.

– В круг! – крикнула Вероника.

Они встали спинами друг к другу. Кирилл выхватил меч. Алексей приготовил зеркальный щит. Кузьма достал печати. Сеня выставил защиту.

– Долго не продержимся, – сказал Михаил, поджигая руки.

– Долго и не надо, – ответил Кирилл. – Надо быстро.

Он посмотрел на человека на крыше. Тот не двигался. Просто смотрел. Ждал.

– Это засада, – сказал Кирилл. – Они знали, что мы придём.

– И что будем делать? – спросил Алексей.

– Будем убивать, – ответил Кирилл.

Он шагнул вперёд.

Глава 2: Земля крови

Кирилл шагнул вперёд, и мир сузился до клинка в его руке и первого врага, который бежал на него с мечом наголо. Удар. Блок. Контрудар. Противник рухнул, не успев даже вскрикнуть. Кирилл уже разворачивался к следующему, чувствуя, как за спиной Алексей ставит зеркальный щит, отражая град стрел. Сеня держал купол над отрядом – тонкий, почти прозрачный, но каждый раз, когда стрела или заклинание врезались в него, воздух вздрагивал и покрывался рябью, как от брошенного камня.

– Михаил! Правый фланг! – крикнула Вероника, и огонь послушно вырвался из рук мага, отсекая группу наёмников, которые пытались зайти с тыла. Кузьма активировал первую печать – низкий, утробный гул ударил по ушам, и трое врагов схватились за головы, падая на колени. Алексей добил их, не глядя – короткими точными ударами, которые он оттачивал два года на южной войне. А человек в чёрном балахоне всё стоял на крыше и смотрел. Он не вмешивался. Не атаковал. Просто наблюдал, как его люди умирают один за другим. И это было хуже любой атаки. Кирилл чувствовал его взгляд – холодный, изучающий, как у хирурга, который разрезает живое тело и делает пометки в блокноте. Алексей, прикрой! – крикнул Кирилл, рванув вперёд. Он не собирался убивать всех этих людей. Их было слишком много, а времени – слишком мало. Ему нужно было добраться до того, кто отдавал приказы. До мага на крыше. Воронка выстрелил из-под ног – Кирилл использовал силу источника, чтобы ускориться. Багровый свет вспыхнул на его руках, и двое наёмников, стоявших на пути, отлетели в стороны, как кегли.

– Стоять! – крикнул кто-то сзади, но Кирилл не слушал.

Он прыгнул.

Не на крышу – слишком высоко. На выступ соседнего дома, потом на карниз, потом схватился за водосточную трубу и подтянулся. Пальцы скользили по ржавому железу, но он не отпускал.

Человек в балахоне наконец обратил на него внимание.

– Ты смел, – сказал он, и голос его был сухим, как шелест осенних листьев. – Или глуп. Не решил ещё.

Кирилл вскочил на крышу. Меч был наготове, но маг даже не пошевелился.

– Кто ты? – спросил Кирилл.

– Проводник, – ответил тот. – Я пришёл посмотреть на того, о ком говорят на востоке. Багровый. Убийца двух тысяч. Палач степняков. – Он склонил голову набок, и в прорези капюшона блеснули жёлтые глаза. – Ты не похож на палача.

– А ты не похож на человека, – ответил Кирилл.

Маг усмехнулся. И в этой усмешке было что-то такое, от чего кровь застыла в жилах.

– Воротынский ждёт тебя, – сказал он. – Он знал, что ты придёшь. Знал, что ты пойдёшь к источнику. И он готов.

– Тогда почему он не пришёл сам? – спросил Кирилл.

– А зачем? – маг сделал шаг назад. – У него есть мы. Сотни нас. Тысячи. Ты убьёшь десяток, сотню, но мы будем приходить снова и снова. И каждый раз ты будешь терять кровь. Каждый раз ты будешь слабеть. А когда ты упадёшь, Воротынский придёт и возьмёт то, что ему нужно.

Кирилл молчал. Он чувствовал, как внутри пульсирует сила 4-го источника, как она ждёт, когда он выпустит её. Но он сжимал её, не давал вырваться. Не здесь. Не сейчас.

– Ты ошибаешься, – сказал он. – Я не упаду.

– Посмотрим, – маг поднял руку, и между его пальцами заплескала чёрная молния. – Посмотрим, как долго ты продержишься, Багровый.

Он ударил.

Кирилл не стал уклоняться – некогда. Он вскинул меч, и багровый свет вырвался из его ладони, встречая чёрную молнию на полпути.

Взрыв был такой силы, что крыша под ногами провалилась.

Кирилл упал, пролетел сквозь чердачные перекрытия, пробил потолок второго этажа и рухнул на пол, засыпанный щепой и пылью. В голове гудело, в ушах звенело, но он поднялся.

Маг исчез.

На его месте осталась только выжженная проплешина на крыше и запах озона.

– Кирилл! – крик Вероники донёлся с улицы.

– Жив! – ответил он, отряхиваясь. – Маг ушёл. Заканчивайте здесь.

Бой затих. Наёмники, оставшиеся без предводителя, дрогнули. Первый бросил оружие и побежал. За ним – второй, третий, пятый. Через минуту двор был пуст, только тела убитых и лужи крови на промёрзшей земле.

Алексей стоял посреди этого хаоса, тяжело дыша. Его меч был красным от локтя до рукояти. Кузьма сидел на земле, прижимая окровавленную тряпку к плечу – стрела всё-таки достала его. Сеня опустил щит и согнулся пополам, пытаясь отдышаться.

Вероника подошла к Кириллу, взяла за руку.

– Ты ранен?

– Нет, – он покачал головой. – А вы?

– Царапины, – она посмотрела на его руку, на которой всё ещё пульсировал багровый свет. – Ты использовал силу?

– Чуть-чуть, – ответил Кирилл. – Пришлось.

Он посмотрел на небо. Солнце клонилось к закату, и тени становились длиннее.

– Хороним мёртвых и уходим, – сказал он. – Ночью они вернуться. И их будет больше.

– Их всегда будет больше, – сказал Оболенский, подходя. – Ты это знаешь.

– Знаю, – ответил Кирилл. – Поэтому мы не будем ждать. Завтра на рассвете идём к имению.

– А как же источник? – спросил Михаил.

– Источник подождёт, – Кирилл посмотрел на восток, где в сгущающихся сумерках уже угадывались очертания гор. – Сначала Воротынский. Потом – всё остальное.

Они похоронили убитых на деревенском кладбище – просто чтобы не гнили и не привлекали зверей.

Кузьма, несмотря на раненое плечо, копал наравне со всеми. Земля промёрзла, ломы звенели о камни, и через полчаса руки уже не слушались, но никто не жаловался.

– Два года назад я бы не смог, – сказал Кузьма, когда они закончили. – Смотреть на мёртвых. Копать для них ямы. А теперь... – он посмотрел на свои ладони, покрытые мозолями и ссадинами, – теперь это просто работа.

– Война меняет людей, – ответил Алексей, бросая последнюю лопату земли на общую могилу.

– Война не меняет, – возразил Оболенский. – Война показывает, кем ты был на самом деле.

Кирилл промолчал. Он стоял у свежей могилы и смотрел на деревянный крест, который сколотил своими руками. Под этим крестом лежали те, кто ещё утром был жив. Те, кто, возможно, не хотел воевать. Те, кто просто выполнял приказ.

«Ты убил две тысячи человек на юге, – говорил ему Первый Димидов во сне. – Но это были враги. Чужие. А теперь на кону – свои».

Свои? Эти наёмники, которые напали на них в деревне, – они были чужими. Но они тоже были чьими-то сыновьями, братьями, отцами. И они тоже не проснутся завтра.

Кирилл перекрестился – по старинному обычаю, которому научила его Матрёна. Не потому, что верил. Потому, что так было правильно.

– Едем, – сказал он.

Отряд покинул деревню, когда луна уже поднялась высоко. Ехали без огней, ориентируясь по звёздам и чутью Кирилла, который чувствовал дорогу даже в полной темноте.

Следующая деревня встретила их тишиной. Но не мёртвой – живой, насторожённой. В окнах горели свечи, но когда отряд въехал на улицу, огни погасли.

– Не бойсь, – крикнул Кузьма в темноту. – Мы не воры. Мы идём к графу.

Из крайнего дома вышел старик с вилами.

– К графу? – переспросил он, щурясь. – Зачем?

– Поговорить, – ответил Кирилл. – По-хорошему или по-плохому – как он решит.

Старик посмотрел на него долгим взглядом. Потом перевёл взгляд на Веронику, на Алексея, на Оболенского, который держался чуть в стороне и смотрел на избу с каким-то странным, болезненным интересом.

– Княжич? – спросил старик, узнав Оболенского. – Ты ли это?

– Я, дед, – ответил Оболенский. – Живой пока.

– А мы думали, ты погиб. Как все ваши.

– Не дождутся.

Старик помолчал. Потом опустил вилы.

– Граф не тот, кем был, – сказал он. – Он продал душу. Мы видели. По ночам над имением стоит чёрное зарево, и земля дрожит. А в горах... – он перекрестился, – в горах кто-то рычит. Спал тысячу лет, а теперь проснулся.

– Змей, – тихо сказал Сеня.

– Змей, – кивнул старик. – Или кто пострашнее. Мы уходим отсюда. Кто может – уходит.

А вы... вы зачем лезете?

– Затем, что если мы не полезем, никто не полезет, – ответил Кирилл.

Старик смотрел на него ещё долго. Потом покачал головой, развернулся и ушёл в дом.

– Удачи вам, – бросил он из темноты. – Она вам понадобится.

Они переночевали в пустой риге, на соломе. Кирилл не спал – сидел у входа, глядя на дорогу, которая уходила в темноту. В руке он сжимал кристалл, который дал ему Оболенский два года назад.

Кирилл убрал кристалл в карман.

Вероника вышла к нему, села рядом.

– Не спится?

– Некогда, – ответил он. – Думаю.

– О чём?

– О том, что старик сказал. «Продал душу». Ты веришь, что человек может продать душу?

– Верю, – она помолчала. – Я видела таких на юге. Маги, которые отдали себя тёмной силе. Они уже не люди. Они – оболочки.

– И Воротынский – такой?

– Не знаю, – Вероника взяла его за руку. – Но мы это узнаем.

Кирилл посмотрел на неё. В свете луны её лицо казалось бледным, почти прозрачным, но глаза горели – серые, глубокие, как омут.

– Ты не боишься? – спросил он.

– Боюсь, – честно ответила она. – Но я боюсь не за себя. Я боюсь за тебя.

– Со мной всё будет хорошо.

– Врёшь, – она улыбнулась. – Но я всё равно верю.

Они сидели так до рассвета – молча, держась за руки. И когда первые лучи солнца окрасили небо в розовый цвет, Кирилл поднялся.

- Пора, – сказал он.
- Пора, – ответила она.

Утром они двинулись дальше.

Дорога шла через лес, который с каждым часом становился всё мрачнее. Деревья здесь были старыми, с раскидистыми кронами, которые почти не пропускали свет. Воздух был сырым, тяжёлым, и пахло здесь не лесом – чем-то гнилым, застоявшимся.

- Чувствуете? – спросил Сеня, поёживаясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.